

К Стасу Наминому

на поганой козе...

Собеседник — 1990. — № 1. — 32 с. — 2.15

Натурально «коза» эта выглядела потрепанным «Москвичом» — зато на частнике не так страшно вечером в ЦПКИО им. Горького продирается: в уютной темени парка расположился музыкальный центр Стаса Намина. Хотя коллеги-журналисты предупреждали: к Стасу Наминому? На поганой козе не подъедешь. И не только потому, что дает интервью редко, а потом мучает исправлениями и дополнениями. И не только потому, что вьется вокруг него молва добрая: талантливый музыкант, замечательный продюсер, гениальный организатор и коммерсант — и недобрая: хитрец, делец, чей-то там внук и «по трунам ходит». А оттого, наверное, что человек он вовсе не простой, чем и притягивает, хотя с моим предположением не согласился:

— Что значит непростой? Я могу спать где угодно, вкалывать по 20 часов в сутки, ем просто, хотя люблю иногда вкусненькое, не душу духами, надеваю одно и то же, хотя у меня есть что носить...

Отвечать вопросом на вопрос — его любимая манера. То ли привычка защищаться, то ли время потянуть... А на синей вязаной кофте и в самом деле зияла дыра. Моль? Или подчеркнутая простота?

В моей юности, т. е. в конце 70-х, Намин хозяйничал вместе с «Цветами» (в забытой классификации — ВИА) и очень модной наминовской песней: «Мы вам честно сказать хотим, на девочек мы больше не глядим...» (пластинку затерла до дыр). Жизнь это публичное заявление решительно опровергла. Стас дважды официально связывал свою судьбу с женщинами и на день нашей встречи, т. е. 9 декабря 1990 г., на вечный восьмимартовский вопрос: «Как ты относишься к женщинам?» — ответил:

— Женщина — это особое существо, которое устроено совершенно по другим законам, чем мужчина, как ворон и ворона — это разные породы: среди воронов есть мужчины и женщины и среди ворон тоже. Так и у людей: среди мужчин есть мужчины и женщины и среди женщин соответственно. Достойных мужчин я встречал в своей жизни гораздо меньше, чем достойных женщин, женщины меньше вырождаются. Поэтому мне недавно пришла в голову шутка: а почему бы не создать клуб лесбиянок как символ протеста против вырождения мужчин?

Но счастья тем не менее в своем страшно популярном шлягере уже конца 80-х желал всем: и мужчинам и женщинам. Так прямо и говорил: «Мы желаем счастья вам, и оно должно быть большим». Откуда ему знать, каким быть тому счастью, ясно стало лишь в конце беседы.

— В этой жизни мне столько счастья привалило, столько друзей, что дальше мне ничего не надо. Потрясающая 12-летняя дочь, мама. По большому счету карьера и суета, что вокруг происходит, для меня просто игра. Не игра только то, что у меня внутри, какая-то духовная жизнь, совесть. Поэтому во мне всегда ощущение такой легкости и независимости от так называемых сильных мира сего. Карьера, суета, игра... Но ведь играют все. Выигрывают лишь немногие. Вот говорит мне Стас, будто сыплется ему порой чуть ли не с неба то, за что другие годами бьются. Хорошо. Допустим. Но не просто ж так. Есть какие-то секреты, связи, авторитет, в конце концов. А он смотрит своими хитрыми «а-ля Япония» глазами: «Так я тебе и скажу!» — читаю в них, а слышу:

— Почему у меня никогда и ни про кого такого ощущения не было? А ведь тоже не с самого начала получалось, да и сейчас не все гладко. Но если видел, что у кого-то получается, мне в голову не приходило искать нечестную игру или какой-то секрет. Мало кто ищет причину в личных, внутренних качествах. Тебя не спрашивали, почему ты имеешь успех в журналистике?

— Нет. Но уж, во всяком случае, не из-за связей.

— А я уверен, что есть завистливые подружки, которые говорят обратное. В 73-м году после выхода миллионными тиражами всего лишь двух гибких пластинок наши песни запела вся страна. Согласись, это трудно сделать по знакомству.

— И все же какие-то законы жизни приходится соблюдать?

— Что значит законы? Когда у мальчиков заканчивается период созревания и они сталкиваются с жизнью, тут же начинается двойственное существование: компромисс между совестью и законами джунглей. Но законы-то у всех свои. И чем больше в твоём законе занимает совесть, тем труднее добивается цели. Проститутка ведь зарабатывает больше, чем любая умная, талантливая, но честная девушка.

Ого! Вот и приехали. Вот и совмести после этого наминовскую «легкость», когда «все чуть ли не само в руки плывет», с его законом, где совесть прямо пропорциональна трудностям. Впрочем, противоречие — еще одна характерная черта ответов Стаса. Правда, поди потом ему докажи, что он только что обратное говорил, диктофон — и тот не поможет.

— Ты говорил, «я не смотрю, как живут другие», тебя вообще не интересует, что у твоих конкурентов происходит?

— Нет.

— Волнуют только свои проблемы?

— Что ты имеешь в виду? Если чужое горе — это один вопрос, а если чужой бизнес — нет, не интересует.

Когда со мной делаются, я с удовольствием слушаю, если могу, помогаю советом или делом. Странная вообще ситуация, ко мне часто обращаются даже люди, которые считали меня своим врагом.

— А у тебя самого есть враги?

— Думаю, если я никому не делаю плохо, то мне могут делать плохо или от зависти, или случайно, а это не причина враждовать.

— А вечно скандальные истории в прессе о тебе? То якобы «Роллинг Стоунз» из-за тебя не приехал, то вроде публику со сцены оскорблял?

— Вот именно, что «вроде» и «якобы». За 20 лет моей работы всего лишь два или три раза появлялись подобные статьи.

— Ты замечал, что люди тобой пользуются?

— Да, бывало, ну и что? Ну попользуются, и дай Бог им счастья, если им от этого стало легче жить...

— Часто сильные люди, которые вершат большие дела, одиноки при обилии друзей и знакомых... Ты тоже?

— Ну да-а, ничего себе! Совершенно наоборот. Я не считаю, что «вершу большие дела». И если б я был одинок, я бы не сделал фирму. Ты просто не знаешь, что такое фирма по-настоящему. Вот мы сейчас с тобой разговариваем, а в двух соседних комнатах важнейшие переговоры ведутся. Пока не могу сказать о чем, но скоро, думаю, все узнают. Да разве б я мог на чужих людей все бросить? Здесь мы все братья и сестры, причем не двоюродные, а родные.

Представить себе, что же это за блюдо такое — «фирма Стаса Намина по-настоящему», практически невозможно. Дайте мне укутить папайю, и я вам ни за что не скажу, что я ела. Дайте мне пожить в Африке, тогда и поговорим. Я не жила и не проникалась духом фирмы. Но протокольно она выглядит так: трехэтажный особнячок с уютно-вкусным рестораном; простите, прервусь.

— Стас, это правда, что шеф-повар и директор ресторана в одном лице — твоя тетя из Армении?

— Нет, конечно. Повар у нас профессиональный и, кстати, очень вкусно готовит.

Так вот, приходит сюда рок-попс-made in-тусовка центра. Кушают музыканты, актеры, шахматисты, иностранцы. Покушав, разговаривают, контракты заключают. Дни рождения — статья особая. Тем более если у шефа. Говорят, 8 ноября машину возле центра ставить негде. Веселье до утра. «Хеппи бэйдей, диар Ста-а-с» поют. В прошлом году Пугачева пела, Малинин пел и многие другие. В этом (опять же говорят) тусовка потише была.

Но, возможно, самое-то интересное — будни. Суета, беготня, телефоны, заграничные паспорта, комнатки маленькие, но с непременным атрибутом — фотографиями, вырезками из газет: вот Стас с Фрэнком Заппой. А вот его голова ловко к накачанному телу Шварценеггера прилеплена. Один наивный музыкант попался на удочку: Стас, говорит, как ты сдал в последнее время, сочувственно при этом глядя на живот Стаса. Плакаты, афиши, купюры достоинством 10 рублей и один доллар запросто кнопкой к стене прищиплены.

— Стас, мы уже второй час разговариваем, а чем занимается твой центр, я так и не поняла.

— Трудно сказать. Работы много. Культурный центр, который мы создаем, — это и музыка разных видов и жанров, танцевальные коллективы. Создаются театр, картинная галерея...



— То есть все, из чего можно делать деньги?

— Наоборот, то, из чего не стоит делать денег, мы их вкладываем в искусство, и здесь больше меценатская позиция, чем спонсорская. Я — продюсер, а центр Стаса Намина — субъективно-продюсерская группа.

— И «что я захочу»...

— Что значит захочу? Существует вкус. Когда я делал «Цветы», меня никто не насиловал. И когда «Бригаду С» к себе взял и «Аукцион». А теперь — «Калинов мост» с гениальным, на мой взгляд, Димой Ревякиным, «Нюанс». У нас очень мало подопечных, потому что я люблю работать, когда мне в кайф. Я уже избалован за эти годы, потому что делаю то, что мне нравится.

— Я вроде бы тоже делаю то, что мне нравится, но не считаю себя избалованным.

— А я считаю это избалованностью. Ты посмотри, как большинство людей живет. Всем ли удается в жизни найти такую профессию, где человек имеет возможность делать то, что нравится? Даже за хорошую зарплату меня уже трудно заставить делать то, что не нравится.

— Наверное, твое состояние позволяет...

— А с чего ты взяла, что у меня много денег? Существует дурацкий, смешной человеческий феномен: если ты независим, и глаза у тебя независимые, и веешь ты себя независимо — значит, богатый.

— Ну не будешь же ты мне сейчас рассказывать, что тебе не хватает на мороженое?

— На мороженое хватает. Но может кто-нибудь себе представить,

что первые годы мы получали пять рублей за концерт, последние — 23 рубля и музыка много лет была моим единственным заработком? — Ты верующий, увлекаешься астрологией, культами?

— Я конечно же не считаю, что человек есть венец природы, и думаю, что ему чаще надо поглядывать на небо и думать: откуда он взялся.

Я поглядываю на Стаса, поглядываю вокруг него и даже на небо поглядываю, но понять, «откуда есть пошел» этот человек и «что он есть такое», не могу. Вот он шурится так — немного блаженно, немного вальяжно. О том, что у него нет профессии, рассказываю. О том, как папа, военный летчик, генерал, его в суворовское отправил, чтоб хулиганом не рос. О том, как из института иностранных языков Стас на филфак МГУ кочевал. О том, как за чем-то высшие сценарные курсы Госкино СССР окончил, а вот по музыке так профессионального образования не получил, хотя всю жизнь в доме Леонид Коган, Ростропович, Арно Бабаджанян бывали и мама — профессиональная пианистка. Вот он правильно так отвечает на вопрос: «Ради чего ты работаешь?»

— Как ни банально это звучит, но мне действительно очень важно и приятно, когда люди вдруг случайно узнают меня на улице, говоря мне такие слова, которые убеждают меня работать дальше, не обращая внимания на зависть и сплетни. И вот я делаю последнюю попытку: «Стас, расскажи, пожалуйста, какую роль в твоей судьбе сыграл дед — Анастас Микоян». И он рассказывает. Но начинает так: «Выключи, пожалуйста, диктофончик». Я выключаю, меня ведь коллеги-журналисты предупреждали...

Лариса Вышинская.